

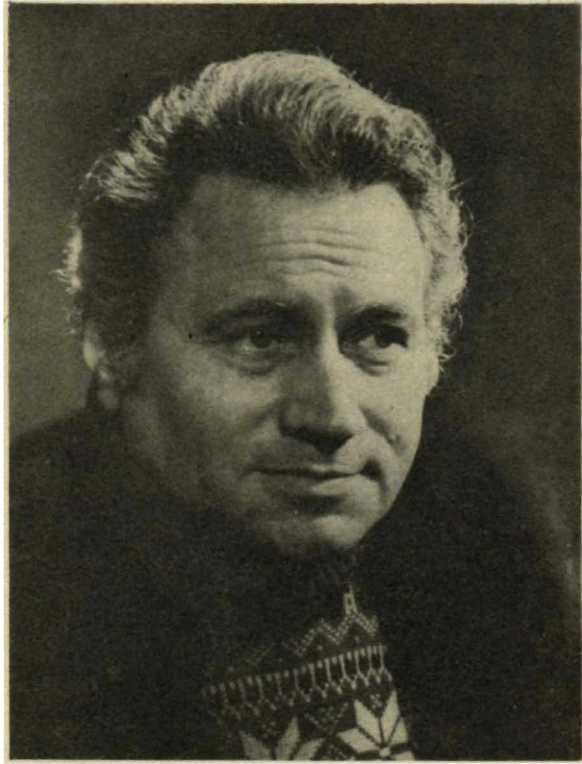
ВИТАЛИЙ КОРЖИКОВ

ВОТ КАКОЙ ПАХОМОВ!

ЧИТАЕМ САМИ

ВИТАЛИЙ КОРЖИКОВ

ВОТ КАКОЙ ПАХОМОВ!

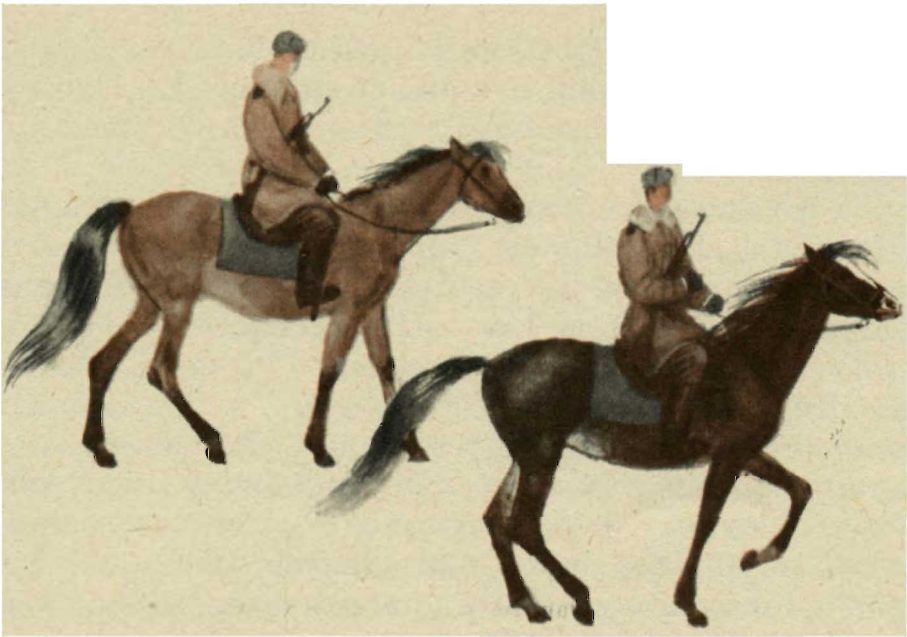
Рассказы

Рисунки Н. Устинова

МОСКВА «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА» 1983

Много лет я жил на Дальнем Востоке, на самом берегу Тихого океана, и дружил с хорошим, отважным народом — пограничниками. Часто я приезжал к ним на заставы рассказать о долгих плаваниях и дальних удивительных странах, в которых побывал. И от пограничников я узнавал немало необыкновенного,— то весёлого, то по-военному строгого, но всегда захватывающего дух; слушаешь, и хочется забежать поскорее вперёд, заглянуть, что же было дальше, чем же всё кончилось. Кое-что, случалось, и сам я видел на не очень-то разговорчивых пограничных тропах. Вот о том, что видел и слышал на далёких заставах, я и расскажу вам в этой книжке.

Автор

НА ЗАСТАВЕ

Я взял на работе отпуск и поехал в родные места посмотреть на тайгу, на океан, повидаться с друзьями. А край у нас морской, охотничий, пограничный. Вот и друзья у меня пограничники, моряки, охотники, лётчики.

Собрал я кое-какие вещи, уложил всё в маленький зелёный «газик» и тронулся в путь.

Почти весь день я ехал по таёжной дороге, усыпанной жёлтыми листьями и первым лёгким снежком. Из-под колёс то и дело вылетали белобокие сороки, серые рябчики. Потом из кустов выскочила лиса, и я прибавил скорость: «Догоню!»

Но тут впереди показался шлагбаум — весь в красных и зелёных полосах, а из зелёной будки вышел пограничник:

— Документы!

Меня уже давно заметили с наблюдательной вышки.

Как только я подъехал к заставе, навстречу выбежал мой Товарищ — начальник заставы капитан Щербаков, обнял и повёл в дом, приказывая на ходу:

— Сегодня отдыхай, а завтра утром в наряд, на границу! С Пахомовым.

Я обрадовался. На границу! В наряд! И сказал:

— С Пахомовым так с Пахомовым.

— Нет, ты спроси, с каким Пахомовым!—сказал Щербаков.

— Ас каким?—спросил я и остановился, потому что прямо нам навстречу по двору шла дикая коза — косуля. Она аккуратно перебирала тонкими ножками и осторожно разглядывала нас.

— Знаешь, кого она ищет?—сказал Щербаков.— Пахомова. Он её у рыси чуть ли не из когтей вырвал. Десять километров на спине, раненную, нёс. Вот и не отходит теперь от него. Да его тут любая зверушка в тайге знает, белки на руки садятся... А недавно у него был такой случай...

— Какой?—подхватил я.

Но Щербаков положил мне на плечо руку: «Потерпи. Сейчас некогда. Служба».

А вечером мы пили в пограничной столовой чай, и Щербаков выкладывал мне самую настоящую пограничную историю, которую я, как запомнил, пересказываю вам.

ВОТ КАКОЙ ПАХОМОВ!

Ранним летним утром Пахомов отправился в наряд. Следом за ним — шаг в шаг — ступал младший наряда и ворчал на скучную погоду. Могла бы она — летом-то — быть и получше! Солнце выглянуло только на минуту, тронуло деревья в лесу и тут же нырнуло в облако. Из-за сопок, по которым тянулась граница, поплыл туман, потом заморосило. Стало слышно, как с листьев берёзы в папоротник срываются холодные капли: кап-кап,— а у подножия сопки, за кустарником, журчит бегущая по нашей земле речушка.

Пахомов быстро шёл по тропе в гору и внимательно оглядывал окрестность. Но между делом, по таёжной привычке, присматривался, какому дереву подпилить старые сучья, какому расчистить место, чтоб просторней было расти.

«Чудак ты, Пахомов,— говорили ему, бывало, товарищи.— Чего ты красоту наводишь? Тайга ведь».

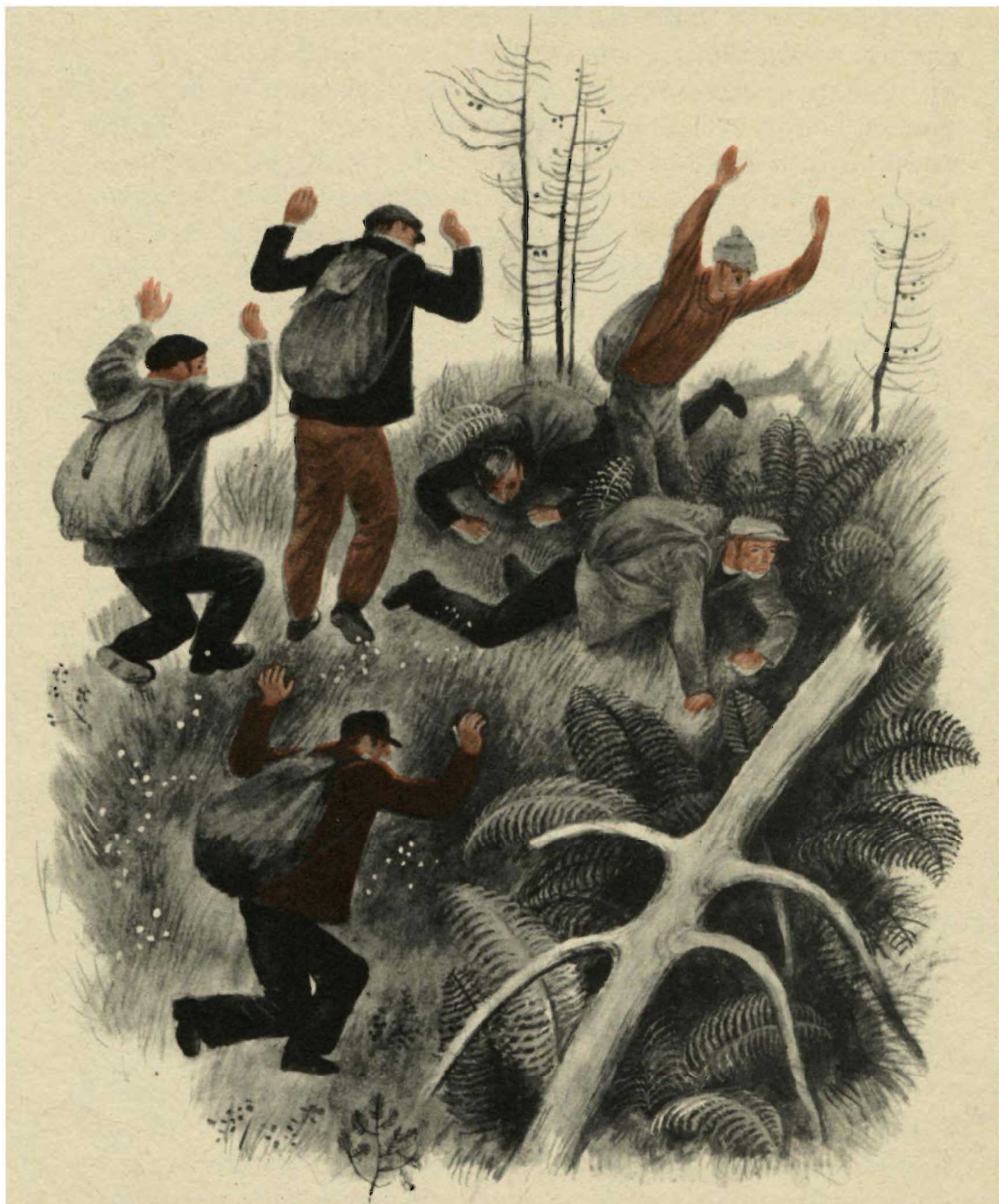
«А охраняем что?— отвечал Пахомов.— Землю, реки, моря, тайгу...»

Он и сейчас заметил кривенькую ёлочку: не так растёт. Шагнул к ней, нагнулся и сразу напрягся: след! Рядом с ёлкой оттиснулся глубокий чёткий след. За ним оттиснулись на земле второй, третий, уже полный воды. Три человека разом прошли! Такого на участке ещё не бывало.

— Сообщай на заставу!— крикнул Пахомов товарищу.

В тумане у перевала виднелась сосна, к которой совсем недавно они протянули телефонный кабель, и младший наряда бросился к ней. Но вдруг остановился: впереди на тропе тоже отпечатались три пары следов. Только шли они в обратную сторону.

— Гляди!— окликнул младший Пахомова.

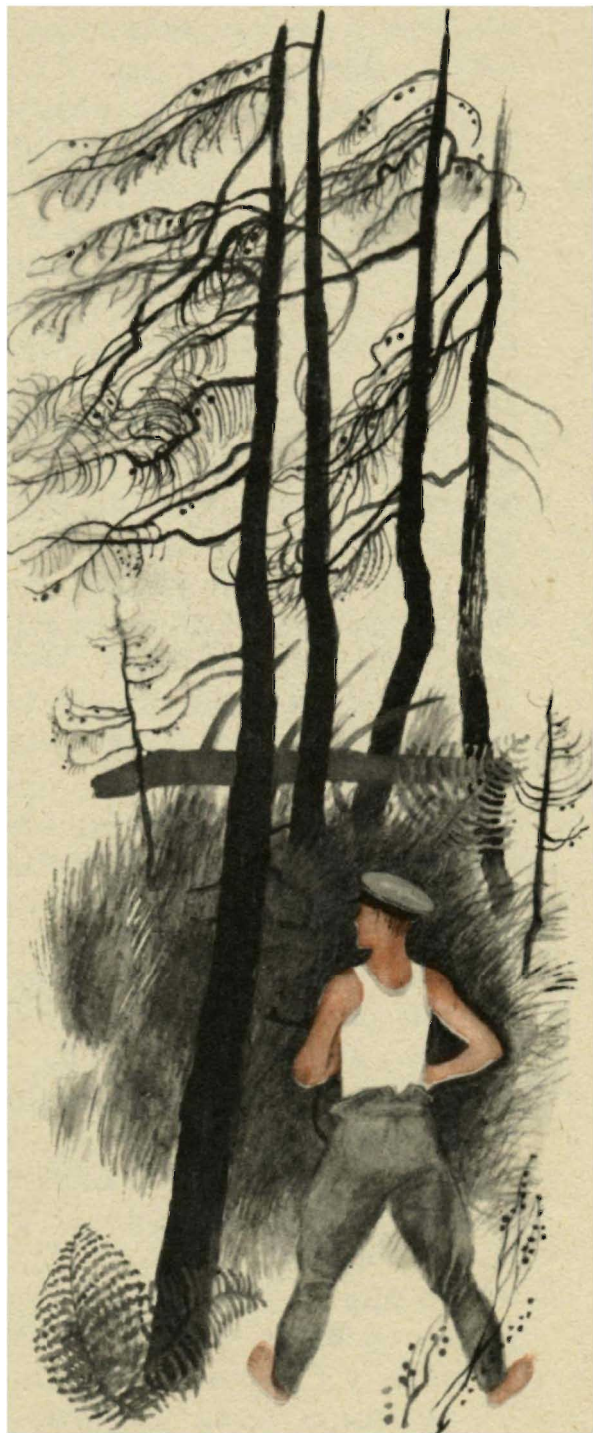

Пахомов сверил следы: одинаковые! Он кинулся к пограничной полосе. И на ней тоже отпечатались глубокие чёткие следы: три пары туда и три обратно. Будто разрушители побывали на нашей стороне и опять вернулись за границу.

— Звони!— крикнул Пахомов младшему, а сам показал автоматом вниз и, стараясь не шуметь, стал быстро спускаться по следу. На влажных валунах, на расплзающихся корнях ноги скользили, но он ставил сапог то на ребро, то на всю ступню — и торопился.

Навстречу ему всё сильнее доносилось журчание нашей речки. Возле реки след поворачивал обратно. Пахомов задержался. «Ну нет,— подумал он.— Не за водой же вы к нам ходили»,— и стал осматриваться.

Ничего. Только ползёт по реке туман,

на камне сидит, надув щёки, бурундук, вертится на сосне сойка...

На воде у берега качаются листья папоротника. Пахомов наклонился: «Листья-то рваные, примятые. Значит, кто-то за них хватался!»

Пахомов заторопился. С камня на камень перебежал через речку, и вдруг у самых ног снова — следы! И опять: туда и обратно. Пахомов вдруг почувствовал, как потеплело лицо, запотел в руке автомат, услышал, как стучит сердце. И не только от быстрого бега, — бегать-то он умел! — но и от волнения. Нарушителей-то трое! Трое! И чем глубже он входил в лес, тем волнение становилось сильнее. Он уже знал, видел, что они не ушли, а где-то здесь, рядом, путают след, хитрят. Теперь каждый камень стал опасным, любая тень за деревом готовилась к прыжку. Ведь трое! Как их брать?

За одним он когда-то гнался. По скалам, по болоту. Сапоги сбросил, упарился, а догнал и взял! А троих...

Он вдруг подумал: «Может, дать ракету?» Но тут же сдержался: «Ракету увидят не только свои: так насторожишь и врага. А брать его нужно внезапно!»

«Вот так внезапно и будем брать. Всех троих, — сказал он себе. — Как одного, так и троих». И сказав это, почувствовал себя спокойней, уверенней, побежал быстрее. Глаза стали смотреть внимательней и жёстче.

Но прошёл час, а нарушителей всё не было видно. Потяжелела морось, стал накрапывать дождь: вот-вот смое следы. И Пахомов снова заволновался, но по-другому: он представил, как они все трое мигнут соседнее село, как взбираются на подножки вагонов у ближней станции...

Пахомов снял сапоги. Бегом! Сбросил мокрую

гимнастёрку. Бегом! И вдруг неожиданно остановился у дерева, услышал: шелестят кусты, потрескивают ветки. Может, зверь? Да нет, зверь ходит мягче. Зверь по-человечьи не шепчет!

Обошёл он этот шум стороной, лёг за кустарником и видит: прямо на него — идут. И не трое. Шестеро! Только трое — лицом вперёд, а трое — спиной, пятятся. Всё ещё хитрят!

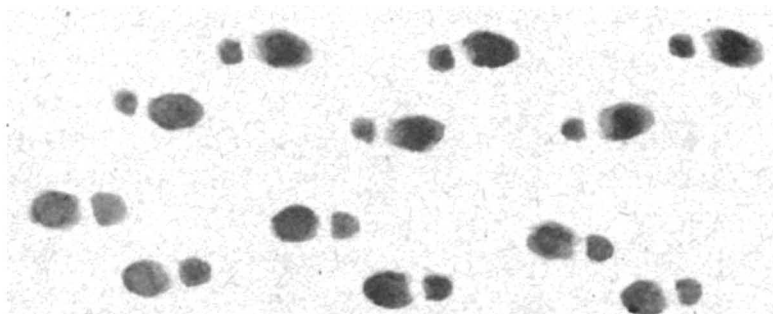
«Ну что ж, шестеро так шестеро,— подумал Пахомов.— Всё равно брать надо. Не взять, так хоть задержать до прихода своих».

Он присмотрелся: оружия в руках не видно. «Но может быть, прячут,— подумал Пахомов.— Ещё как может быть! Надо, чтобы и вытащить не успели».

И только нарушители подошли поближе, как вскочит, как крикнет: «Руки вверх! Ложись!» — И дал в воздух очередь.

Подоспела на помощь тревожная группа, торопятся, тревожатся: следов-то много! Как там Пахомов? Как один справится?

Прибежали, а нарушители лежат на земле. Трое — носами в одну сторону, трое — в другую. А над ними стоит Пахомов и поводит из стороны в сторону автоматом.

В ПОГРАНИЧНОМ НАРЯДЕ

Полночи я ворочался на койке. За окном горела луна, скрипел снег под валенками часового, и по стёклам проплывала его синеватая тень.

Сменялись дозоры, а я всё думал: какой же он, Пахомов? И всё представлял, как лежат в траве нарушители и стоит над ними громадный человек с автоматом в руках.

А едва я уснул, как меня стали будить.

Открыл глаза, а передо мной невысокий щупленький паренёк. На погонах по тоненькой полоске, на груди — медаль. Представился:

— Ефрейтор Пахомов!—И говорит: — Нам пора в наряд!

Я собрался. Надели мы с Пахомовым валенки, маскировочные халаты, автоматы проверили.

Щербаков осмотрел нас строго и сказал:

— Приказываю выступить на охрану государственной границы Союза Советских Социалистических Республик!

Мы вышли из помещения и направились к калитке.

Из-за угла вдруг выскочила козочка, косуля,— и прямо к Пахомову. Подбежала, потёрлась о ногу и мордочкой в карман лезет. Пахомов достал из кармана кусок печенья, протянул косуле, и мы вышли за ворота.

На елях сверкал молодой снег, лёгкий ветер раскачивал длинные бороды лишайников. Рядом шумела незамерзающая речка. Я смотрел, нет ли где следов, и ждал, что Пахомов вот-вот расскажет, как брал нарушителей.

Но Пахомов молчал, тоже внимательно осматривал сугробы, а иногда останавливался и слушал. Вот протяжно и скрипуче запела сосна. Вот разда-

лось: тук... тук... А потом как из пулемёта: тук-тук-тук! И по ёлке побежал дятел... А вот послышалось: крак, крак... На головы нам пропеллерами посыпалась шелуха от шишек, и с ветки на ветку перелетела белка.

— Тихо. Порядок!—сказал Пахомов.

И вдруг впереди нас появился громадный сибирский кот. Он поджал хвост и сел на снег.

Я опешил, а Пахомов обрадовался:

— А, Василий Иваныч! Вышел на службу?

Я удивился ещё больше, а Пахомов погладил кота и говорит:

— Он у нас настоящий пограничник.

— Кто? Кот?!

— А как же,—сказал Пахомов.— В наряды ходит. Особенно с поваром. Пятнадцать километров в одну сторону, пятнадцать в другую. И нарушителя однажды обнаружил.

— Ну да!

— Точно!—уверил меня Пахомов.— Пошёл он как-то летом впереди наряда. Топал, топал и вдруг пропал. В кустах бумага зашуршала. А откуда она в тайге, на границе? Наряд — раз!—и в кусты.

А там Василий Иванович, представляете, из какого-то свёртка жареную пороссятину вытаскивает. А рядом спит тракторист из соседнего колхоза. Шёл из гостей и забрёл куда не положено. Нарушитель? — спросил Пахомов и сам ответил: — Нарушитель!

— И что же ему было? — спросил я.

— А что? — сказал Пахомов. — Трактористу — взбучка, а Васе — поощрение: рыбка из речки...

Василий Иванович важно шёл впереди нас. Мы поднимались на сопку: подъём был крутой, трудный. Но наконец мы его одолели, и я увидел всю полоску границы. Под нами покачивал пушистыми верхушками сосновый лес, сверкала река, белые, заснежённые поля. А внизу, у подножия сопки, зеленел квадратик — застава.

«Маленькая, — подумал я, — как Пахомов. А никого не пропустит».

Когда солнце уже стояло над головой, мы вернулись на заставу, и Пахомов доложил Щербакову:

— За время несения службы на участке никаких нарушений границы не обнаружено.

И я тоже подтянулся. Нарушений не обнаружено.

Щербаков кивнул, посмотрел на присевшего рядом кота, усмехнулся:

— Что, встретил главного разводящего?

— Так точно. На посту, — подтвердил Пахомов.

— Наверное, все наши истории уже выложил? — Щербаков бросил на ефрейтора ревнивый взгляд.

— Только чуть-чуть. Самые старые! — как бы оправдываясь, сказал Пахомов.

— Ну, раз старые, ладно! — улыбнулся Щербаков, радуясь тому, что новые мне ещё не известны. И за обедом, то и дело откладывая в сторону ложку, он с удовольствием выкладывал ещё не известные мне происшествия.

УСАТЫЙ НАЕЗДНИК

За стрельбищем на плацу инструктор службы собак учил своего пса Амура верховой езде. Настоящая пограничная собака должна сидеть верхом не хуже наездника.

Сообщат на заставу, что обнаружен след, инструктор вместе с собакой в седло — и марш к месту галопом! И время выиграла, и собака до поиска не устанет.

Вот и Амура инструктор учил ездить верхом.

И как только он выводил из конюшни серого конька Бойца, на площадке, под деревом, появлялся и Василий Иваныч. Сядет, хвост распушит и не шелохнётся. Лишь глаза из стороны в сторону бегают.

Амур разбежится, подпрыгнет — у Василия Иваныча хвост дёрг-дёрг, вверх-вниз, влево-вправо. Амур взлетит на спину коню, поднимет голову и под команду инструктора объезжает площадку. А у Василия Иваныча от зависти глаза горят и лапы к прыжку готовятся.

Как-то после тренировки отвёл инструктор Амура на место и возвращался за Бойцом. И вдруг видит: Василий Иваныч сжался, как подпрыгнет — и на спину коню! Что тут началось! К собачьим прыжкам Боец привык, а кошачьи когти впервые почувял. Взвился он на дыбы! А кот с испугу когти как выпустит!

Сорвался конь с места — и в галоп. Летит, а Василий Иваныч на гриве болтается. Кричит, а когти не отпускает. Ползаставы на площадку сбежалось. Зовут коня, да ничего поделать не могут.

Но успокоилось всё само собой. Махнул Боец через всю заставу прямо к реке. Тут Василий Иваныч не выдержал. Отпустил гриву, шлёпнулся в

воду, выбрался на берег и через лопухи бегом к складу. Отряхнулся, занял пост у норы.

А через три дня снова пошёл на границу. Но к лошадям с тех пор не подходит. Видно, решил: не кошачье всё-таки это дело — верхом ездить.

НАРУШИТЕЛИ

Но самая серьёзная история, в которую попал Василий Иванович, началась с того, что как-то июльским утром по синему-синему небу к сопке Рыжей потоком воздуха понесло шар-зонд, какие запускают метеорологи, чтобы узнать направление и скорость ветра.

И как только шар стал приближаться к заставе, на порог своего дома разом выскочили белобрысы сыновья старшины Меньшуткина.

— Летит!—крикнул Меньшуткин-младший.

— Сейчас врежется в сопку! — сказал старший.— Бежим!—и припустил босиком, в одних трусах вверх по сопке. Он пробился сквозь колючий шиповник, плюхнулся на землю, и в руках у него завертелся и заскрипел упругий резиновый шар.

— Есть?—запыхавшись, спросил младший.

— Есть! — сказал старший, обхватив добычу.

— Целый?

— Целый! Во какой воздушный шар выйдет! — сказал Меньшуткин-старший и показал большой палец.

— А без корзины воздушных шаров не бывает! — сказал младший по дороге домой.

— Корзина будет! — сказал старший и велел: — Держи шар!

Из старого сарая он вытащил пыльную проволочную кошёлку, с которой мать ездила в район за продуктами, бечёвкой привязал её к зонду, крепко затянул узел, и настоящий воздушный шар прыгал у него над головой.

— А без пассажиров шары не бывают, — сказал Меньшуткин-младший.

Старший ничего не ответил, пошёл в дом, вынес аппетитный кусок колбасы и направился к кухне,

где в это время сидел Василий Иванович в ожидании обеда.

— Вась, Вась...— прошептал Меньшуткин-старший и показал ему колбасу.

Василий Иванович открыл глаза и поднял голову.

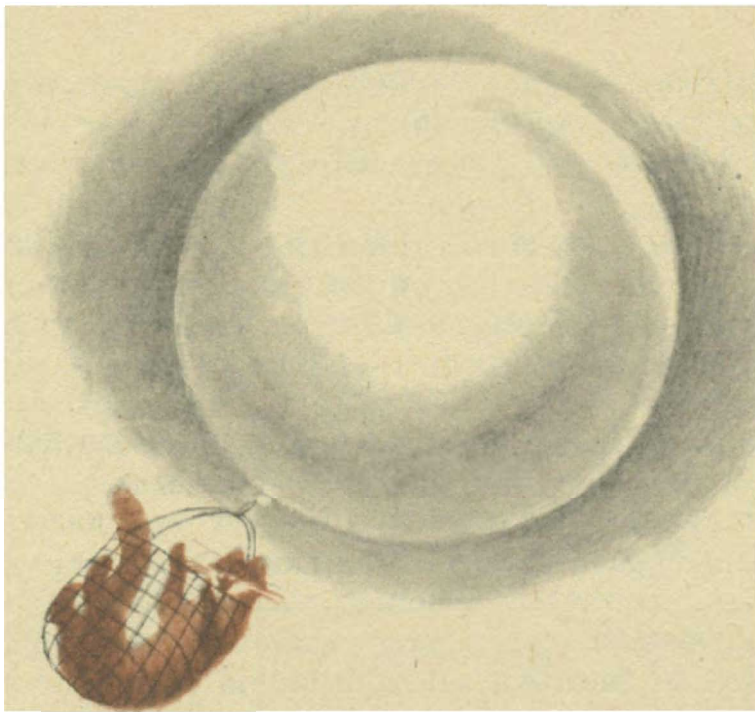
— На,— сказал Меньшуткин и пошёл через двор. Кот встал, потянулся и двинулся за ним.

Меньшуткин бросил колбасу в кошёлку, и Василий Иванович прыгнул следом.

— Пуск!— крикнул Меньшуткин, и в тот же миг Василия Ивановича что-то толкнуло вверх, он высунул из кошёлки голову и взвыл изо всех кошачьих сил: он стремительно поднимался в небо, он летел, а вокруг него проносились птицы и ворочались облака.

В это самое время с океана на сопки поволокло

туман, по станциям наблюдения раздалась команда: «Включить приборы». И как только дежурный на соседней станции включил локатор, сразу увидел, как по экрану быстро поползла странная точка.

Кто-то двигался в сторону государственной границы.

— Вижу точку, вижу движущуюся точку! — крикнул дежурный.

И в воздух помчались сигналы и грозные вопросы: «Кто? Откуда? Зачем?»

Василий Иванович качался в летучем тумане. Усы у него торчали, как рожки антенны. И хотя вопил он изо всех сил, ни начальник заставы, ни старшина, ни даже повар его не слышали.

— Приказываю приземлиться! — летело с земли.

Василий Иванович и сам бы сделал это с удовольствием. Но как? Он старался зацепиться когтями хоть за какое-нибудь облачко, но облака убегали, как мыши, а его всё сносило куда-то к океану...

— Уходит! — волновались возле старой сосны солдаты, поднятые по тревоге.

— Ракетой его, ракетой! — говорили самые молодые.

— Зачем ракетой? Сейчас перехватчика вышлют, — сказал начальник заставы.

— Вертолётчиков пошлют, Иванова, — уточнил старшина Меньшуткин. — Уж он им, хоть и молодой, покажет, что такое граница.

И верно. Скоро в воздухе раздалось стрекотание винта, и над заставой быстро пошёл вертолёт.

Лейтенант Иванов ещё никогда не видел нарушителя в небе и заранее готовился к встрече с противником. «Сейчас прикажу: «Следовать за мной!» А не последует, так я ему!..» И покосился было на пулемёт, но заметил мелькнувшую в тумане точку, развернул машину и жёстко скомандовал себе: «Внимание...»

И вдруг Иванов разглядел впереди странный шар, под ним кошёлку, из которой торчали хвост и кошачья голова с распахнутой от вопля пастью...

— Василий Иваныч! — крикнул Иванов и даже привстал. — Это же Василий Иваныч!

— Какой ещё Василий Иваныч? — удивились с земли.

— Да свой! — крикнул лейтенант. — Наш, Васька!

— А ну-ка веди этого Ваську сюда!

И лейтенант, развернув вертолёт, повёл его так, что летательный аппарат вместе с котом быстро пошёл вперёд, к заставе, к сосне, под которой волновались солдаты.

— Ведёт! — сказал кто-то.

«Ведёт», — хотел было сказать старшина. Но тут о сосну что-то ударилось, мимо старшины пролетела орущая шаровая молния, а к ногам упала старая меньшуткинская кошёлка, из которой вывалился

кусок аппетитной колбасы с белыми снежинками сала посередке. Солдаты бросились к кошёлке, наклонились и вдруг захохотали так, что по сопкам покатилося эхо.

— Вот это да! — кричали солдаты.

А старшина Меньшуткин, краснея, сказал:

— Да! — и так запустил пальцы под широкий ремень, что начальник заставы спросил:

— А что «да»?

— А сейчас я кое-кому прочитаю крепкую лекцию о том, что такое граница! — и крепче сжал ремень.

Тут в кустах зашелестело, затрещало, будто кто-то бросился бегом в сопки.

А начальник заставы улыбнулся и качнул головой:

— Ладно. Будем считать, что при помощи Меньшуткиных-младших провели учебную тревогу. А чтобы покрепче знали, что такое граница, доставить этих Меньшуткиных ко мне. Я им тоже кое-что расскажу.

Скоро на заставе всё притихло. В воздухе сладко и горячо пахло шиповником. Снова стало слышно, как стрекочут кузнечики, шелестят стрекозы. И только возле кухни всё ещё хохотали солдаты. А Василий Иваныч, сверкая глазами, смотрел в сторону домика начальника заставы, куда прошлёпали оба Меньшуткины, и думал, наверное:

«Что, нарушители, слушаете лекцию? Мало вам! Мало! Я бы вам и не такую прочитал!»

А когда солдаты, выходя из столовой, подносили Ваське куски колбасы, он фыркал и косился на небо, будто говорил:

«Попробуйте сами. А я уже пробовал. Знаю эти колбасные штучки!»

МИХАИЛ МАТВЕИЧ

Начальник соседней заставы капитан Матвеев решил с утра проехать по тайге. Он отдал необходимые распоряжения заместителю, взял автомат — на всякий таёжный случай — и выехал на коне за ворота.

Поднялось солнце. Свежо зеленела весенняя трава, и конь весело пошёл в гору привычной тропой. Но едва въехали в лес, он захрапел, взвился на дыбы и шарханулся в сторону. Прямо на него сквозь дубняк ломилась громадная медведица.

Матвеев ахнул от неожиданности, оглянулся, а за спиной громыхала осыпь, обрыв,— отступить некуда. И он дал очередь из автомата.

Медведица тут же ткнулась носом в копыта коню, а в дубняке снова раздался треск.

Матвеев опять вскинул автомат.

Но на тропу вывалился маленький взъерошенный медвежонок.

Чёрная шерсть его блестела, а на груди галстуком белело яркое пятно. Медвежонок на секунду остановился, вытарашил глазёнки на громадного коня, на всадника и с перепугу бросился под брюхо медведицы.

Матвеев спрыгнул с коня, снял шинель, завернул медвежонка и стал быстро спускаться вниз, к заставе.

* * *

На заставе медвежонку обрадовались.

Солдаты передавали его из рук в руки, а медвежонок с опаской ворочал маленькими коричневыми глазёнками и прятал нос в мягкую чёрную шерсть.

Но как только его взял на руки повар Ерохин, он вытянул шею, быстро обнюхал и стал лизать его голые по локоть руки.

— Мишка мамку узнал! — рассмеялись солдаты.— Бери его к себе на кухню. И тепло, как в берлоге, и найдётся, чем лакомиться.

Ерохин принёс медвежонка в кухню, постелил ему за печкой кусок овчины и поставил у ног старую солдатскую миску.

Застава стояла среди высоких гор, со всех сторон её окружала тайга. Кругом пахло сосной, перекликались лесные птицы. Доносился стук дятла. И Мишка чувствовал себя совсем как дома. Солдаты приносили ему из похода кедровые шишки, и он, урча, лущил орехи.

Как-то, когда он лежал на солнышке у крыльца, к нему подошла корова Майка. Нагнула рогатую голову и посмотрела на него большими страшными глазами. Мишка вскочил, ошетинился и воинственно поднял лапу.

Но вдруг он почувствовал тёплый молочный запах, быстро слез со ступенек и побежал за Майкой, подтягивая мордочку к грузному вымени.

С тех пор каждое утро медвежонок бегал за Майкой следом, хватал её за ноги. А Майка огляды-

валась, отмахивалась хвостом и делала вид, что вот-вот боднёт назойливого медвежонка.

Но он не отступал, пока ему не наливали в миску тёплого парного молока.

Как только наступало время обеда, Мишка бросал все игры и ковылял к кухне. Там Ерохин уже держал в руках поварёшку, от котлов валил вкусный пар.

Мишка хватал передними лапами свою солдатскую миску, как его выучил Ерохин, и пристраивался за солдатами к раздаточному окошку. Ерохин накладывал ему порцию каши, и Мишка отправлялся в угол.

Через несколько минут он с пустой посудой останавливался у солдатских столов, и каждый пограничник добавлял ему ложку из своей порции.

Ерохин морщился, качал головой и стыдил:

— Позор, срам! Не пограничник, а побирuşка.

Мишка виновато косил глазами в его сторону, а пограничники защищали медвежонка и дружно наполняли миску. Тогда и Ерохин протягивал ему на закуску кусок сахара, который оставлял от своей порции.

* * *

Прошло таёжное лето.

Пожелтела тайга. Красными пятнами обозначились клёны. Зашелестел сухим листом дубняк. Прощально закричали над сопками стаи перелётных птиц.

Последние неожиданные бабочки иногда появлялись над заставой и, что-то устало поискав, исчезали уже насовсем.

Мишка смотрел на всё это с удивлением и тревогой. Осторожно выглядывал за ворота, принюхивался к запахам тайги, но убежать не собирался.

Он вырос, шерсть на нём стала жёсткой, медвежьей, и Ерохин однажды сказал:

— Ого! Тебя уже иначе, как по отчеству, не назовёшь. Только Михаилом Матвеичем!

— А почему Матвеичем?—полюбопытствовали солдаты.

— А как же! Принёс-то его капитан Матвеев! Так и стали его звать по имени и отчеству.

Михаил Матвеич привык к пограничникам. Просыпался в одно с ними время, кувыркался с утра на гимнастических снарядах, боролся с солдатами, ходил по бревну.

Но больше всех он привязался к Ерохину. Уходил Ерохин в наряд — медведь ждал и встречал его. Чистил Ерохин посуду возле кухни, и Михаил Матвеич бегал за ним.

А скоро Ерохин удивил всех весёлой придумкой.

Метрах в ста от заставы прыгала по камням горная речка. Каждый день повар катил к ней тележку с бочкой, набирал бадьёй воду и, посвистывая, толкал повозку обратно.

Сначала Михаил Матвеич бегал за ним следом. Но как-то Ерохин поставил его рядом с собой. Мишка налёг мохнатой грудью на оглобли и весело потопал вместе с поваром.

Наконец Ерохин оставил его у бочки одного. И все увидели удивительную картину.

Михаил Матвеич толкал тележку с бочкой, а Ерохин шёл сбоку и беззаботно покуривал.

Скоро Ерохин научил медведя наполнять бочку водой, и Михаил Матвеич стал настоящим водовозом.

С утра медведь становился в упряжку и ехал к реке.

Он черпал бадьёй воду и наполнял бочку, пригнувшись, не начался ли обед. Вода хлюпала через край, и медведь тянул бочку к кухне. Там он хватал свою миску и торопливо бежал к окошку.

— Ну и выдрессировал! Талант! Хоть в цирк его отдавай. На всю страну прославится,— говорили пограничники.

— А Ерохина к нему дрессировщиком!

— Нет,—выглядывал из окошка раскрасневшийся Ерохин.— Я после службы на трактор сяду. Но уж если приду в цирк — сразу в первый ряд. Выйдет Мишка на сцену, а я ему: «Привет, Михаил Матвеич! Не помните? Зазнались? А я Ерохин. На одной заставе с вами служил, в люди вас выводил!»

Может быть, так всё и было бы, если бы не случилась с Михаилом Матвеичем беда.

Перевели с какой-то заставы на эту рядового Митрофанова. Прибыл он вечером. А утром пошёл кувыркаться на турнике. Взобрался, вдруг слышит — кто-то рядом сопит. Оглянулся, а за ним медведь карабкается!

Слетел солдат с перекладины на землю — и задом, задом в казарму. Кричит:

— Медведь, медведь!

А пограничники смеются:

— Своего брата пограничника не узнал! Это же наш Михаил Матвеич!

Оправился солдат от испуга. Но на медведя затаил злость и решил тоже сыграть с ним шутку.

Как-то утром Михаил Матвеич собрался за водой. Митрофанов подкрался сзади к бочке и выдернул из неё деревянную затычку — чоп. Этого никто не заметил. И Михаил Матвеич так и покатил к реке. Стал он наливать воду. Раз вылил бадью, второй, а бочка пустая. Уже дольше привычного льёт, а в бочке всё пусто.

Рассердился Михаил Матвеич, забегал быстрее.

А вода всё равно в дыру уходит.

Тут уж время к обеду подошло, медведь замотал головой, занервничал. Бросил бадью, схватился за оглобли — и бегом к дому. А бочка скачет, гудит пустая — значит, к реке нужно ехать. Рассвирепел медведь, выскочил из упряжки, перевернул повозку, хватил в ярости бочку о землю, заревел... и вдруг сам грохнулся рядом.

Стали на заставе обедать, а Михаила Матвеича нет. Не бывало такого. Один Митрофанов сидит себе, ухмыляется. Уже пообедали, а Мишки всё нет.

Вышли на дорогу посмотреть — может, в тайгу убежал. Смотрят, на дороге бочка, а рядом с ней лежит медведь. Окликнули его, а он мёртвый.

Сердце разорвалось.

* * *

На следующий день начальник заставы вызвал рядового Митрофанова и сказал:

— Пять суток наряда вне очереди: возить с речки воду на кухню.

— За скотину, что ли?—недовольно спросил Митрофанов.

— Нет. Самому надо быть человеком. Даже с животным,— сказал Матвеев и вышел за порог.

Было тихо. Процокали в стороне копытами кони. На рыжую осеннюю сопку ехал пограничный наряд.

А на дороге уже раздавался скрип колёс. Это Митрофанов толкал к реке повозку с пустой бочкой.

ОХОТА

День я ещё гостил на заставе, а на следующее утро собрался уезжать. Но Щербаков сказал:

— А я-то выпросил выходной! Поживи у нас ещё денёк. Сходим на охоту: попробуем взять кабана или козла.

Щербаков обошёл заставу. Потом мы взяли автоматы, бинокль, стали на лыжи и быстро побежали под гору.

Сопки остались в стороне, и перед нами засверкало чуть покатое снежное поле. Иногда ветер со свистом гнал по нему позёмку, и в воздухе сверкала морозная пыльца. Я еле поспевал за Щербаковым. Он шёл быстро и широко. Щёки у него покраснели, будто налились брусничным соком. Иногда капитан поворачивался ко мне и приговаривал:

— Не отставать! Сейчас отыщем такую дичь!

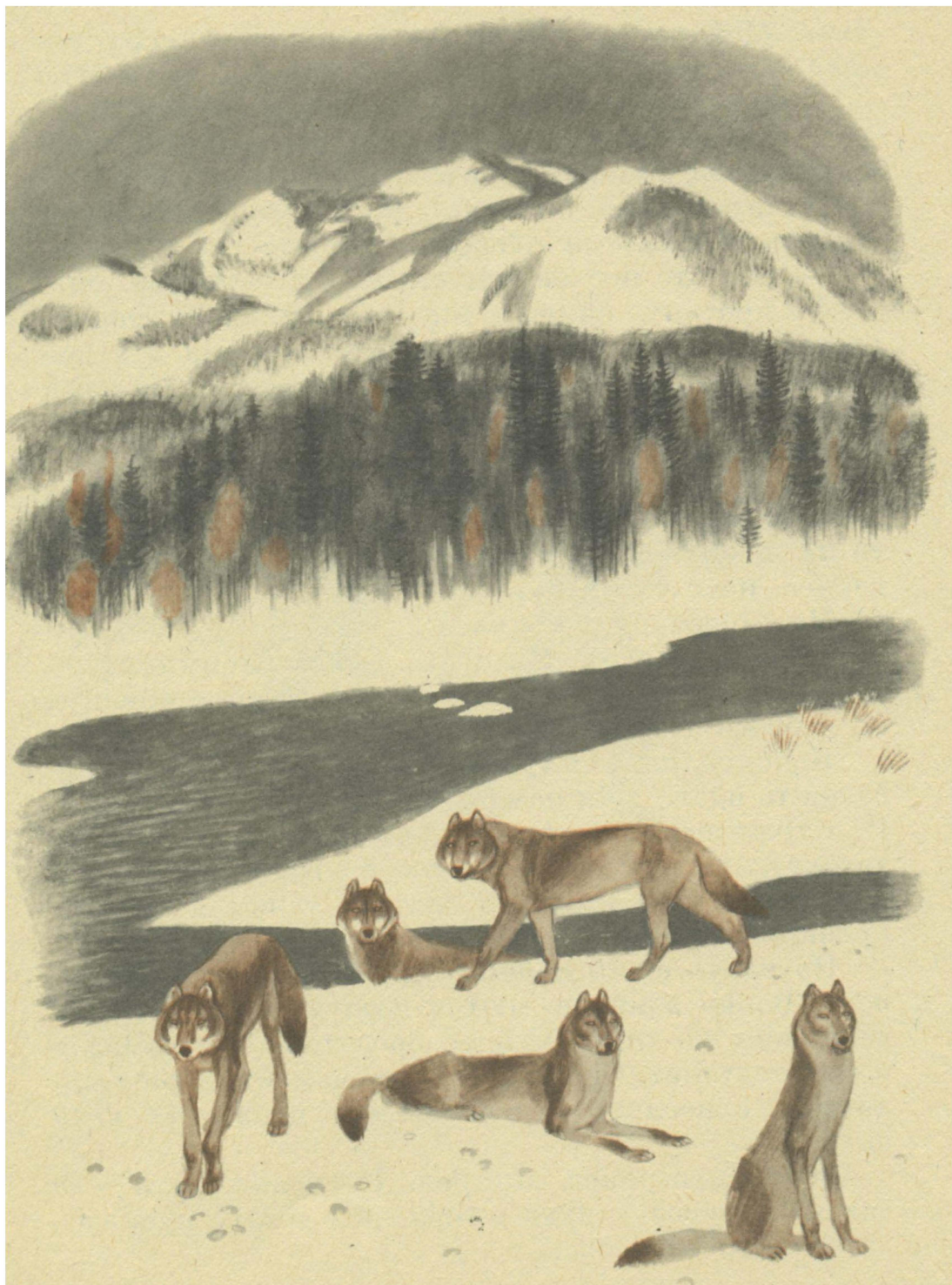
Но чем дальше мы шли, тем чаще останавливался Щербаков: вокруг не было ни одного следа. И он в досаде разводил руками:

— Вот тебе и раз! Ну ничего, сейчас уж обязательно что-нибудь возьмём,— сказал он, когда мы подъехали к поросшему рыжим дубняком холму.— Здесь у кабанов главная столовая. Жёлуди. Только держись поосторожней: кабан — животное злое.

Я поставил автомат на взвод и полез вверх за Щербаковым, насторожённо оглядываясь на каждый кустик. Мы забрались на самую верхушку холма, а следов всё не было. Я остановился передохнуть и посмотрел в сторону реки: за ней лежала чужая земля.

И тут на нашем берегу я разглядел какую-то фигуру. Я показал на неё Щербакову.

— Интересно, кто это бродит?— подумал он вслух.

— Может, кто-то из пограничников учит собаку? — предположил я.

К фигуре быстро ползла на брюхе собака.

— Может быть... — сказал Щербаков. — Но только зачем он сюда забрался?

Капитан взял бинокль, навёл его на берег и воскликнул:

— Вот это пограничники!

Он протянул бинокль мне, и я оцепенел: впереди на задних лапах стояла громадная волчица, а к ней по снегу быстро ползли два матёрых волка. За ними из-под берега выскакивали ещё один, другой... Целая стая!

В лицо мне ударила позёмка, и по спине пробежали мурашки. Рядом раздался протяжный вой — то ли донёсся волчий, то ли разошёлся ветер. «Наверное, надо уходить», — подумал я.

Но Щербаков насупился.

— Волчьи игры. Им игры, а колхозному стаду — слёзы! А ну-ка, давай, гони их на меня! — крикнул он и бросился с горы в обход.

Я помедлил. Но тут же подбодрил себя: «Щербаков-то идёт! Он и на врага так пойдёт, если надо». И я тоже поехал с горы прямо на свору. Вскинул автомат, но всё-таки волнуясь. Впереди — волки! Вот уже видно простым глазом: тяжёлая шерсть, крепкие лапы...

Но вдруг ветер переменился и понёс позёмку к реке. Волки замерли, нюхая воздух, на минуту повернулись ко мне. «Сейчас бросятся!» — подумал я и сжал автомат. Однако в тот же момент звери взвились и понеслись стремительной цепью на край поля.

Сбоку прогремел выстрел. Но волки были уже далеко, и через минуту у горизонта только курилась лёгкая морозная пыль.

— Не будет сегодня охоты!—сказал Щербаков, подъезжая ко мне.— Раз появился волк, вся дичь уйдёт. Но ты не сердись. А с ними я рассчитаюсь.— И он погрозил автоматом волкам вслед.

Но я и так не сердился. В первый раз я видел волчью свору.

В тот же вечер я собрался и уехал с заставы. Мне предстоял ещё далекий путь.

СОДЕРЖАНИЕ

На заставе	3
Вот какой Пахомов!	5
В пограничном наряде	10
Усатый наездник	13
Нарушители	15
Михаил Матвеич	20
Охота	28

Для младшего школьного возраста

Виталий Титович Коржииков

ВОТ КАКОЙ ПАХОМОВ!

Рассказы

ИВ № 6899

Ответственный редактор Н. Е. Дублин. Художественный редактор А. Б. Сапрыгина. Технический редактор Л. П. Костикова. Корректор Е. И. Шербакова. Сдано в набор 03.02.83. Подписано к печати 22.08.83. Формат 70 X 100/16- Кум. офс. № 2. Шрифт обыкн. Печать офсетная. Усл. печ л. 2,6. Усл. кр.-отт. 6,5. Уч.-изд. л. 1,85. Тираж 2000000 экз. Заказ № 2075. Цена 10 коп. Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Детская литература» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 103720, Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Калининский ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат детской литературы им. 50-летия СССР Росглавополиграфпрома Госкомиздата РСФСР. Калинин, проспект 50-летия Октября, 46.

Коржииков В. Т.

К66 Вот какой Пахомов!: Рассказы/Рис. Н. Устинова.—М.: Дет. лит., 1983.— 32 с, ил. (Читаем сами.)

10 к.

Рассказы о мужественных и добрых людях, дальневосточных пограничниках.

4803010102-468
М101 (03)83

Р2

